

*Посвящается моей маме, учительнице от Бога,
а еще бабушке и дедушке, живущим на небесах.*

Глава 1

Марта

*Все мы являемся звеньями в цепи поколений,
и порой нам приходится, к собственному
удивлению, оплачивать долги наших предков.*

Анн Анселин Шутценбергер

В каждом из нас — десятки человек. Мы состоим из мам и пап, своячениц и деверей, прабабушек и прадедушек, оставивших после себя обрывочные воспоминания и выцветшие фото. Смотрим на мир их глазами и прихрамываем их стопами. Так же, как они, покусываем дужки очков, вскидываем руки или прячем их за спиной. Копируем фразы и праотцовские истины. Воспроизводим победы и поражения. Заимствуем рецепты.

От родовой памяти нереально отмахнуться. Вырезать ее ножницами, словно прохудившийся карман, или выжечь, будто ягоды земляники на разделочной доске. Все полученные коды, гены, необъяснимые страхи

и повторяющиеся сценарии — важные составляющие нашей внутренней программы. Предки, находясь в параллельных мирах, продолжают возлагать на нас свои надежды и верить, что поможем им завершить незавершенное. Незахороненных — похоронить. Неотпетых — отпеть. Непрощенных — простить. Несчастливых — осчастливить. Неженатых — женить. Нерожденных — родить. Нелюбимых — отпустить, ибо нелюбовь имеет свойство размножаться в геометрической прогрессии по типу ржи, ежевики и улиток. На манер белых грибов, грызунов или пресноводных.

Все недосказанное прапрабабками предстоит произнести нам, праправнукам...

Февраль 1896 года

Поезд в губернский город Киев пришел с опозданием на два часа. Марта Карловна Крюгер — уроженка небольшого немецкого города Идар-Оберштайна, уже полностью одетая и модно причесанная, сидела с прямой спиной и вела себя с таким достоинством, словно находилась не в купе пассажирского вагона, а в ложе Немецкого театра Отто Брамма на спектакле «Ткачи». С нежностью поглядывала на своего мужа. Тот поминутно распахивал полотняные занавески и возбужденно покашливал в платок с синим стерильным отливом. С восторгом комментировал главные железнодорожные мастерские, спующих работников, сугробы, напоминающие залежи ореховой халвы, и само здание вокзала в виде английского замка. Оно казалось растянутым и основательно подъеденным паровозным дымом.

Экипажи, ожидающие состоятельных пассажиров вагонов первого класса, испытывали легкое беспокойство. Белые, вороные и гнедые лошади ритмично мочалили копытами воздух и попрошайничали. Дамы в плотных бархатных и поплиновых платьях, отделанных коротковорсным мехом типа каракуля и соболя, держались вместе под козырьком и привычно прятали руки в муфты. Их фигуры напоминали латинскую букву S, благодаря тяжелым юбкам с турнюрами и затрудняющим дыхание корсетам. Деревенские мужики в тяжелых шерстяных свитах и сардаках, попахивающие луком и кислыми щами, курили в стороне и сплевывали себе под ноги. Их бабы, озадаченные корзинами со снедью и малолетними детьми, с интересом разглядывали прибывший состав.

Неожиданно часы разродились обеденным звоном. В толпе кто-то набожно перекрестился и отвесил поклон. В чем-то мешке закудаhtала курица. С крыши, плотно утыканной декоративными башенками и трубами, оторвалась сосулька и рухнула вниз, чудом не зацепив женщину в норковом манто. Неподалеку, в ресторане «Россия» начали подавать очень приличную рыбную сельанку, а в «Северной гостинице» Афанасия Дьякова — блины с икрой.

Начиная с двенадцатого века, германские купцы, стеколоводчики, банкиры, сахарные фабриканты и металлопромышленники охотно селились на русских землях. Практически в каждом крупном городе — Петербурге, Москве, Новгороде, Пскове, Киевской, Харьковской и Черниговской губерниях существовали немецкие

диаспоры. В Петербурге на набережной Обводного канала коммерсант Фердинанд Краузкопф из карминного кирпича выстроил фабрику под названием «Треугольник», и через каких-то пару лет вся Европа щеголяла в его фирменных галошах. В результате подобной деятельности английская обувная компания Mackintosh, расположенная неподалеку, не выдержала конкуренции и закрылась.

Австрийский подданный Гоффман на пару с русскими немцами успешно наладили табачное производство, предложив курильщикам папиросы «Барские», «Ира» и «Дюшес». Тонкие «Ферезли» и короткие «Антракт» — всего в три затяжки. Чуть позже — «Беломорканал», состав табачной смеси которых до сих пор держится в строжайшем секрете.

Потомственный дворянин Адольф Маркс основал первый еженедельный журнал для семейного чтения «Нива». В Москве на деньги немецких предпринимателей возвели евангелическую больницу, переименованную позже в Институт мозга, и возглавил ее немец-невролог Оскар Фогт. Со временем появились кондитерская фабрика «Эйнем», построенная двумя немецкими коммерсантами, котельный завод, многочисленные клиники и аптеки. В Киеве на углу улиц Крещатик и Прорезная Жорж Дортенман открыл кондитерскую «Жорж», интерьеры которой оформлял сам Михаил Врубель, прибывший писать орнаменты во Владимирский собор. В его витринах неприхотливую киевскую публику искушали шоколадные зайцы, трубочисты, гномы, револьверы, запряженные лошади и паровозы с вагонами. Так что немецкие мужи пол-

ным ходом занимались коммерцией, вмешивались в политику, осуществляли денежные и военные реформы. Сочиняли манифесты, учили, лечили, служили. Строили железные дороги. Организовывали свои слободы и кладбища. Свой особый мир.

Когда Марта услышала от Отто дерзкое предложение осесть в губернском городе Киеве и вывести банковское дело на новый уровень, обрадовалась. Во-первых, их ждало большое путешествие, во-вторых, женщина собиралась обучать детишек немецкому языку, в-третьих, готова была ехать за любимым хоть на край света.

Марта родилась в Идар-Оберштайне, спрятанном между волнистыми холмами и кутающемся в палантин тяжелых туманов. В его шахтах добывали яшму, горный хрусталь и агат, окрашивали кипящим сахарным сиропом и нанизывали целые миля бус. Украшали женские шеи, гибкие и негнущиеся пальцы, длинные и слегка загнутые мочки ушей.

Долгое время Идар-Оберштайн носил статус деревни и ничем не отличался от множества похожих между собой деревенок типа Бахараха или Мельна. Ну разве что фахверковым домом постройки 1420 года и белесой церквушкой Фельзенкирхе, возведенной в отвесной скале. Со строительством фабричного района, занявшего несколько улиц, в Идар-Оберштайн хлынул поток рабочих и от размеренной упорядоченной жизни не осталось и следа. Одной из самых прибыльных стала фабрика Jakob-Bengel, производящая подвески и цепочки для карманных часов, на которой отец Марты служил управляющим.

Девушка выросла в сплоченной семье. Изыщная, светловолосая, с выразительными карими глазами и низким бархатным голосом. Выпускница гуманитарной гимназии, свободно владеющая греческим и латынью. Разбирающаяся в литературе, искусстве, этикете и ведении домашнего хозяйства. Ее мать, как и большинство *verheiratete frau*¹, занималась домом. Готовила, проветривала подушки с одеялами даже в ощутимый мороз. Полировала резную мебель, вешала чуть влажные гардины, выгадывая на утюжке, и никогда не смывала мыло с тарелок — экономила воду. Вязала и вышивала салфетки. Высаживала розы. Орудиями труда ей служили швейная машинка, плита и корыто для стирки, а девизом — фраза «аккуратность приносит прибыль».

Семья верила в Бога и исправно посещала Фельзенкирхе. Об этой церкви ходила легенда, впечатлившая Марту больше, чем секреты приготовления брецеля. Давным-давно, еще в двенадцатом веке, в замке Боссельштайн, находящемся над церковью, жили два брата — Вирих и Эмих, по несчастливой случайности влюбившихся в одну и ту же девушку, некую Берту фон Лихтенбург. Со временем Вирих узнал о романтических чувствах младшего брата и, не справившись с ревностью, столкнул его в окно. Берта досталась ему, но в придачу с адским чувством вины. Много лет мужчина страдал от тяжелого душевного груза. Молился, постился, делал пожертвования, но чувство облегчения не приходило. Во время очередной исповеди признался аббату в своем преступлении, а тот, почесав за ухом, посоветовал на месте трагедии построить часовню. Вирих со всей

¹ Замужняя женщина (нем.)

страстью приступил к строительству и, когда в часовенке закончили отделочные работы, попросил Бога подать ему знак о прощении. В ту же секунду из скалы забил источник. Парень наконец-то расслабился, ощутив забытый мир в душе, но в момент освящения капеллы умер прямо у алтаря. У бедняги не выдержало сердце.

Легенда не давала Марте покоя, в ее голове рождались все новые и новые вариации. Девушка боялась признаться самой себе, что тоже мечтает о самозабвенной и фанатичной любви двух мужчин, желающих любой ценой занять место другого.

Со временем на одной из весенних ярмарок в очереди за пончиками, присыпанными тальком сладкой пудры, девушка познакомилась с Отто. Молодые люди прогулялись вдоль слегка покосившегося фахверкового дома под номером 468, синей ювелирной витрины, полной сапфиров, отеля с больничным тюлем, непроснувшихся от зимней спячки деревьев-осьминогов, и Марта констатировала свое первое в жизни головокружение. От Отто пахло музыкой, поэзией и свежестью горных плато. Он увлекался банковским делом и на каждой салфетке оставлял мелкие, напоминающие сборище насекомых, цифры. Постоянно что-то прикидывал, подсчитывал, умножал. Был старше на десять лет и на десять Рождеств Христовых.

Вскоре молодые люди поженились и сняли квартиру недалеко от Рыночной площади. Всюду появлялись, держась за руки, каждую ночь занимались любовью, тщательно оберегая себя от детей, и посещали светские рауты. Далее сборы, переезд, полная смена декораций. Родители провожали дочь со щемлящим сердцем. Мама

изо всех сил следила за сухостью своих глаз, но прощлась, как будто навсегда. Дочь смеялась, пересчитывала чемоданы и произносила странное:

— Мамулечка, не переживай! Я обязательно вернусь. Если не Мартой, то твоей внучкой или правнучкой. Какой-нибудь Ханной или Антье.

У родителей пуще прежнего вытягивались лица, а Марте, напротив, сказанное казалось очень забавным.

В дороге всегда сдержанная и немногословная молодая женщина безостановочно болтала: о контрастной зиме, изнывающих от зависти подругах и обещании привезти родителям знаменитый киевский торт от «Жоржа». Мечтала по утрам ходить на Бессарабский рынок за яйцами и желтоватым пористым молозивом, прогуливаться по Владимирской горке, покупать ноты в магазине Идзыковского и слушать в Доме купеческого собрания оперу «Ночь перед Рождеством». Делилась вычитанной накануне информацией об изобилии заводов в Киевской губернии: шесть стеклянных, четыре суконных, один мыловаренный, восемь свечных и пять фаянсовых. Остальные, типа кожевенных, кафельных, кирпичных и чугунолитейных, ее не интересовали. Хвалила киевлян за успехи в свеклосахарном производстве и журила за увлечение трактирами. Шутка сказать, питейных заведений больше двух с половиной тысяч! Приставала к мужу насчет его коммерческих планов, и тот философски замечал:

— Мало прицелиться, нужно еще и попасть. Вот приедем, устроимся и посмотрим, что получится из нашей «авантюры».

Доставал свой кожаный блокнот и сеял столбиками цифр, словно семенами моркови. Марта в это время рассматривала священников и обедневших сельских дворян, стоящих в длинной узловой очереди за кипятком. Они набирали полные чайники и котелки и торопливо возвращались в вагоны, чтобы вар под натиском лютых морозов не успел остыть. Пассажиры вагонов первого и второго класса кубковую² игнорировали, неспешно обедая в ресторанах, организованных при каждом крупном вокзале. Помимо этого, женщину подкупал суровостью местный февраль. Дома месяц казался мягким, практически пластилиновым, а здесь — кривые дороги и морозы-трескуны. Ноющие из-за смены ночных и дневных температур деревья. Обледенелые стога. Сосульки-переростки. Концентрированная синева, окрашивающая сугробы, изморозь и поднебесье. Марта даже не предполагала, что кургузый месяц может иметь такие разительные контрасты.

Поезд двигался с купеческой важностью. Сперва паровоз, за ним — багажный вагон, выкрашенный в коричневый. В нем тряслись многочисленные тюки, чемоданы, саквояжи и ридикюли во главе с главным кондуктором и багажниками, требующими по три копейки за место. Следующим шел зеленый с треугольной вывеской «Почтовый», и только потом цепляли пассажирские. Марта и Отто путешествовали в синем четырехосном вагоне первого класса, отделанном полированным красным деревом. Спали на подушках из

² Помещение железнодорожного вокзала для подготовки горячей воды.